

4. Попытки продолжения беспорядков и «умиротворение» города. (3 июня 1962 г.)

Комендантский час, войска в городе, ужас расстрела 2 июня не могли не отразиться на ходе событий. Многие демонстранты и забастовщики поспешили уйти в тень. Однако утром 3 июня еще рано было говорить об окончательном умиротворении города. Некоторые участники волнений продолжали использовать активные формы протеста. Например, бесшабашный Александр Зайцев махнул на все рукой и еще два дня куролесил на улицах города. По данным обвинительного заключения, он «бесчинствовал, угрожал военнослужащим и работникам милиции расправой, препятствовал продвижению военных машин»¹.

Среди тех, кто 3 июня пытался удержать накал волнений, оказался 23-летний монтер А.М.Отрошко. Он был одним из тех немногих участников волнений, кто, по данным КГБ, и «ранее в кругу знакомых высказывал антисоветские измышления»². (Заметим в скобках, что людей с «антисоветским» прошлым среди забастовщиков и демонстрантов было очень мало. К их числу относился, например, участник нападения на горком, 34-летний безработный В.Г.Кувардин. Но и о нем органы госбезопасности имели лишь неопределенные сведения об «антисоветских настроениях» и намерении установить связь с американским посольством¹).

3 июня погромщики предпочли благоразумно уйти в тень. «Хулиганских проявлений» в этот день было немного. А вот забастовщики электровозостроительного завода им.Буденного не сдавались. Утром 3 июня они пришли на работу, а затем небольшими группами, по 2-3 человека, снова двинулись в город. В пути к ним стали присоединяться более многочисленные группы рабочих (по 10-15 человек). Некоторые ехали на машинах, большинство шло пешком. К 8 часам утра на месте вчерашнего побоища - у горотдела милиции и у горкома КПСС снова стали собираться толпа. Сначала она насчитывала лишь 150 человек. Но люди продолжали подходить, а затем, около 9

1 Исторический архив. 1993. № 4. С. 151

2 Исторический архив. 1993. № 1. С.130

часов утра, наступил критический момент. Какая-то женщина истерически крикнула, что вчера убили ее сына. Толпа достигла 500 человек. Страсти накалялись, люди приблизились к оцеплению, в котором стояли солдаты, и снова стали требовать освобождения арестованных. Власти решили напомнить о себе и попытаться отвлечь внимание толпы. В кинотеатре «Победа» были установлены репродукторы и снова началась трансляция записанных накануне на пленку речи Микояна и приказа командующего округом о введении комендантского часа.

Серьезные опасения властей вызвала оперативная информация о какой-то «группе мотоциклистов», направлявшейся из Новочеркасска в Шахты (город в 40 км от Новочеркасска). Дело выглядело так, что некие парламентарии забастовщиков едут к соседям за поддержкой. За городом были установлены посты, которые в течение дня задержали 32 человека, направлявшихся в сторону Шахт на мотоциклах, велосипедах или пешком. Трое задержанных показались подозрительными и были арестованы за участие в волнениях². Ничего достоверного об их планах и намерениях неизвестно. Однако повышенная чувствительность «начальства», опасавшегося распространения беспорядков вширь, сама по себе достаточно симптоматична.

К 12 часам властям удалось наконец организовать партийный актив, дружинников, некоторых лояльных рабочих. Началась массовая агитация на заводах и среди горожан. В 15 часов по радио выступил Ф.Р.Козлов. Эта речь, по оценке заместителя председателя КГБ Ивашутина, стала «переломным моментом в настроении людей»³. После нее они постепенно начали расходиться.

Выступление Козлова было построено весьма умело. Оно учитывало желание большинства горожан каким-то образом выйти из тупиковой для них ситуации конфронтации с властью. Козлов, апеллируя к массовому комплексу вины перед властью, свалил всю вину за организацию беспорядков на неких «хулиганствующих элементов»,

1 Исторический архив. 1993. № 1. С.130

2 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.93661. Л.13

3 Исторический архив. 1993. № 1. С.126

«застрельщиков погромов», которых он отделил от большинства жителей города. Тем самым у массы горожан, в той или иной степени участвовавших в волнениях, появилась надежда остаться в стороне. Ссылаясь на встречу с «группой представителей», которая, как мы помним, на самом деле представляла собой весьма резкий, на высоких тонах разговор, Козлов утверждал, что именно «представители» «поставили вопрос о порядке в городе и на предприятиях», попросили членов Президиума ЦК КПСС «выступить по местному радио и выразить наше отношение к беспорядкам»¹. (Очевидец встречи, как выяснила И.Мардарь, ничего подобного не запомнил). Расстрел толпы 2 июня был парадоксальным образом представлен чуть ли ни инициативой рабочей делегации, требовавшей навести порядок.

Одна подтасовка потянула за собой другую. Козлов утверждал, что участники «беседы» вернулись на улицу и «пытались рассказать собравшимся о встрече с нами. Однако хулиганы не давали им возможности говорить»². В таком контексте события 2 июня выглядели уже как столкновение властей, поддерживаемых большинством честных людей города, и каких-то «хулиганствующих элементов», людей преследующих «не благо народа, а иные - корыстные цели, или людей, поддавшихся на удочку провокаторов»³. Большинство горожан, составлявших толпу 1 и 2 июня, получали как бы обещание индульгенции от ЦК КПСС, а значит и надежду избежать наказания. Аргумент существенный, власть ведь уже продемонстрировала свой жестокий норов.

Разделив жителей Новочеркасска, на «чистых» и «нечистых», Козлов намекнул и на возможные уступки (пообещал разобраться с недостатками нормирования труда и торговли), но никакой надежды на отказ от повышения цен не оставил. Да еще и представил позицию участников новочеркасской забастовки как некую конфронтацию со всеми «советскими людьми», которые, оказывается, повышение цен

1 Исторический архив. 1993. № 1. С. 119

2 Исторический архив. 1993. № 1. С. 119

3 Исторический архив. 1993. № 1. С. 119

«встретили с пониманием и полностью поддерживают»¹. Наконец, сфальсифицировав ход событий, Козлов подал дело так, что требование демонстрантов о встрече с представителями высшей власти, якобы, уже было им и Микояном выполнено. «Вчера и сегодня мы побывали на предприятиях», - утверждал Козлов. Просто, мол, рабочие НЭВЗ попали в число изгоев: члены Президиума ЦК КПСС, якобы, посетили только те заводы, которые «добросовестно трудятся» и «выполняют производственный план». Следуя пропагандистской модели того, как должны вести себя лидеры «подлинно народной власти», Козлов уверял даже, что они с Микояном «беседовали с рабочими» на улицах города². В действительности никаких встреч 2 июня не было вообще, а 3 июня Козлов и Микоян встречались только с благонадежным коммунистическим активом НЭВЗ и навестили более или менее лояльный завод синтетических продуктов. О встречах на улицах ничего доподлинно не известно.

Судя по всему, речь Козлова по радио, хотя и обозначила перелом ситуации в пользу властей, тем не менее никакого особенного магического эффекта на участников волнений не произвела. Во время и после выступления Козлова сотрудники КГБ зафиксировали «отдельные злобные выкрики и угрозы». Восстановление же порядка в городе после 17 часов дня, вероятно, в гораздо большей мере было связано с эффективностью полицейских мероприятий и комендантским часом (в ночь с 3 на 4 июня было задержано 240 человек³), блокировавших действия «зачинщиков» и «экстремистов» и лишавших их питательной почвы - многочисленной толпы.

В тот же день, 3 июня, было возбуждено уголовное дело в отношении активных участников массовых беспорядков по признакам ст.79 УК РСФСР. Его принял к производству зам. начальника Отделения Следственного отдела КГБ при СМ СССР подполковник Д.Ф.Щебетенко, возглавивший команду из 26 следователей¹. В Новочеркасске и близлежащих городах (Ростове, Шахтах, Таганроге) работали

1 Исторический архив. 1993. № 1. С. 119-121

2 Исторический архив. 1993. № 1. С. 121

3 Исторический архив. 1993. № 1. С. 126

присланные из центра 140 оперативных и руководящих работников КГБ во главе заместителями председателя Ивашутиным и Н.С.Захаровым².

4 июня жизнь города начала входить в нормальную колею. Если, конечно, считать «нормальным» страх сотен людей, опасавшихся ареста и не знавших, кого именно «засекли» в дни волнений негласные соглядатаи и «фотографы». Завод им.Буденного приступил к работе. По обычному ритуалу прошли собрания актива, осудившие, как положено, участников беспорядков, то есть в значительной мере самих себя. Рабочие ночной смены принесли символическую «искупительную жертву» - выполнили производственный план на 150 %. (9 июня рабочие сталелитейного цеха, начавшего забастовку, пытаясь задобрить власть, обратились с письменными и устными заявлениями к администрации с просьбой разрешить им работать в воскресенье, чтобы «искупить вину за имевшие место беспорядки». Рабочих похвалили, но «разъяснили», что день отдыха надо все-таки «использовать по назначению»). Не выдержав нервного напряжения, ожидания ареста, некоторые забастовщики и демонстранты приходили в КГБ с повинной.

Далеко не все, «поднявшие руку» на «родную советскую власть», были преисполнены раскаянием. Среди корреспонденции органы госбезопасности обнаружили анонимный «Первый ультиматум», подписанный неким «Народным комитетом». В нем содержалось требование допустить родственников к раненым, указать место захоронения трупов. В противном случае авторы документа грозили сообщить о расстреле иностранцам. (Подобной утечки информации за границу власти и в самом деле боялись. В Новочеркасске и Шахтах работало 5 машин радиоконтрразведывательной службы на случай попыток радиолюбителей отправить сообщения за границу).

В одном из цехов завода им.Буденного нашли листовку протеста, написанную токарем-револьверщиком В.М.Богатыревым. Потом еще одну (автора не нашли), а на стене - надпись с угрозами в адрес

1 ГА РФ. Ф.Р-8131. Оп.31. Д.93661. Л.14

2 Исторический архив. 1993. № 1. С. 130

начальника цеха. На улице Герцена на видном месте прохожие читали:
«Да здравствует забастовка»¹.